

СОЗВУЗЫ

Разговор на вольную тему

«А ЧТО ЕСТЬ ТРУД ДУШИ...»

Наш собеседник — народный артист РСФСР Зиновий ГЕРДТ

— Так в чем же он, смысл жизни, — вы уже знаете?

— Во всяком случае, намечается знание. Но все это вряд ли сможет кому-нибудь пригодиться. Как, скажем, родители, имеющие опыт десятилетий, никоим образом детям своим передать его не могут. И каждый должен сам все пережить, почувствовать. Так и старые истины, к которым поначалу все мы относимся немножко свысока: а-а-а, не надо, потом... Потом они действительно приходят. И оказывается, нет ничего выше издревле известных заповедей. Прописные истины, к которым должен прийти ты сам, и никто тебе в этом не поможет. И оказывается, жить надо достойно — не перед богом, бога, как мы знаем, нет — перед самим собой, перед совестью своей. Не подличать, не предаваться честолюбию... Маленькие подлости, какие-то совсем незначительные, и никто никогда в жизни о них не узнает — хорошо, если есть реле, которое срабатывает: не надо! Ничего хитрого и мудреного в этом механизме нет, просто щелчок: не надо. И только.

— А засыпая, думать о прожитом дне? — Это необязательно. У меня нет такой привычки — засыпая, думать о прожитом дне. Но это присутствует — вечно. Однажды меня спросили, что в человеке мне нравится и что раздражает. И это был такой коренной вопрос... Но очень быстро всплыло то, о чем я никогда не задумывался.

— Действительно, вам, мудрому человеку с таким опытом — личным и уже историческим даже, — что нравится в людях?

— Понимание собственного несовершенства, ибо только это вселяет надежду. И мне отвратительна эпидемическая форма, да, да, это уже становится эпидемией — люди с комплексом собственной полноценности.

— Да так ли их много? — Вы сомневаетесь? Значит, вы молоды. Но когда человек абсолютно бесплоден, а самому себе кажется очень импозантным, значительным таким, и все видят, — это ужасно. Особенно в людях, которые уже сделали себе имя.

— А как быть с расхожим афоризмом: полжизни человек работает на свое имя, а вторую половину имя работает на него?

— Чувств! Не могу это принять. Ведь именно тогда, когда имя сделано, и начинается мука.

— Как его удержать? — Как соответствовать. Это и есть душевная работа. «А что есть труд души, мой милый стихотворец?». Труд души — тут нужно тратить силы, энергию. И главное — не принимать всерьез похвальные суждения о тебе. Вы любите, когда вас хвалят? — Очень.

— Но сами знаете о себе гораздо больше? — Пожалуй.

— Вот и держитесь этого знания. — Вы — держитесь? Вам дают звания, вас награждают, вам аплодируют, вами восхищаются, а вы — держитесь внутреннего знания, подозревая обман?

— Не чей-то обман — мой собственный. Я подозреваю, что знаю приемы, эксплуатирую их, вызывающие чье-то восхищение, чью-то похвалу. И не обольщаюсь.

«Хвалу и клевету приемли равнодушно...». Быть самим собой, жить, как живешь, — это само по себе уникально.

— Ну, а в других, что видеть в других?

— Видеть в каждом человеке предмет исследования. Вот женщина — она наглухо застегнута на свою элегантность, изысканность в обращении, утонченность манер или на деловитость, подчеркнутую сухость — бывает ли она естественной в каких-то тайных своих проявлениях? Или мужчина — на посту, при регалиях, любезен, корректен, — а когда никто его не видит, каков он? Это чрезвычайно интересно.

— Естественность... Самая трудная человеческая задача.

— А в актерском деле... Самое сложное — достичь первозданной простоты. Воссоздать ее с точностью, убеждающей окружающих. Это дается или ребенку — от природы, или... нужно пройти жизненный круг — и приблизиться к этой простоте, призвав на помощь ремесло, опыт.

— Хотелось бы вам сейчас быть... скажем, сорокалетним?

— В смысле физической мощи, незнания болезней — лестно. Но — не дай бог знать так мало про людей, про жизнь. Хотелось только подольше удержаться в этой, нынешней, кондиции. А вам, разве вам так уж хочется стать моложе — ну, положить руку на сердце, а?

— Нет, не хотелось бы. Пугает не возраст — пугает примитивность появляющихся с возрастом вопросов. Не знаешь, что с ней делать. Ну, казалось бы, отчего люди лгут, когда проще в некоторых случаях, легче, выгоднее, наконец, сказать правду? Непонятно. Раньше — было понятнее.

— Может, это и есть — восхождение к простоте. Вы же, сами не замечая, сказали — проще...

— Не знаю. Только все равно — непонятно. Отчего? Отчего лицемерят?

— В каком смысле?

— В обыкновенном. В присутствии — одно, приятное, конечно. За отсутствием — противоположное. Ведь не думают же, что останется неизвестным. Да и не в этом дело — останется или нет. Почему???

— О, это удел бесталанных людей! Талант предполагает безусловную жажду чьей-нибудь удачи.

— Это — правда?

— Честно. Я бываю до слез растроган, когда вижу, что кто-то хорошо играет. Когда я увидел Льва Дурова, с которым хорошо знаком, в спектакле «Брат Алеша», я написал ему огромное восхищенное письмо. И он, знаете... рухнул. Мы встретились случайно на радио — он заплакал. А я должен был выговориться, потому написал. И стало — легко. То, о чем вы говорите, не лицемерие — это бесталанность. Это даже не зависть.

— А зависть — объяснима?

— Я завидую всем, кто умеет играть на фортепиано. Все задатки у меня к этому были, но я, как это принято у детей, — не хотел! Теперь вот завидую.

— И передаете свой опыт внуку? А он — не послушает. Дети почему-то всегда склонны наследовать дурное. Человечество от этого не деградирует окончательно?

— Не-ет. Дети — все дурные. Во все времена. Все — эгоистичны. И это надо пережить. А потом они начинают добреть.

— Где-нибудь годам к двадцати?

— Хорошо, если к двадцати. Позже значительно, ибо это — процесс длительный. Мой шестилетний внук говорит отцу: «Папа, хоть бы ты нас оставил или умер». Представляете ужас домашних? «Что ты такое говоришь?!» — «А что такого? Папа у нас аллергик, из-за него мы не можем взять собаку». — «Опомнись, как можно сравнивать — папа и собака!» — «Конечно, нельзя. Собака лучше». Но пройдет время, и он поймет, что все-таки лучше папа. Лучше, чем собака, чем многие друзья, единомышленники — папа лучше. Правда?

— Зиновий Ефимович, когда вы перестали обретать новых друзей?

— Я понимаю... Нет, до сих пор не перестал. И до сих пор не гарантирован от того, что в кого-нибудь влюблюсь. Прокалываюсь, конечно. Но опять появляется кто-то — и ношу с ним, и кажется, что этот — будет близок. Друзья — очень сложная вещь. Это явление более высокого порядка, чем любовь. Любовь бывает без взаимности — бывает ведь неразделенная любовь. Дружба неразделенной не бывает, иначе это рабство какое-то, что ли. Дружба — великое явление. Хотя бывает... бывает, думаешь: лучше бы я его не знал, а знал только его творчество, или наоборот — пусть бы я никогда не видел плодов его творчества, а знал лишь его самого. И то, и другое — это великолепно. Давид Самойлов — я влюблен в него и его стихи, и все вместе мне так близко. Как близок Швейцер и то, что он делает.

— И «Мертвые души»? Если беспристрастно.

— Я не могу судить о Швейцере беспристрастно — мы дружим с 38-го года. Это — много. «Мертвые души»? Там много настоящего талантливого. Да все, пожалуй, актерские работы, за исключением Коробочки и Ноздрева, которые — абсолютно мимо. Я не убежден, что это произведение следовало переносить на экран. К великому каждому должен прийти сам. И приходят. Пытливые — в 30 лет, инертные — в сорок. А пять часов телевизионного показа отрезали от Гоголя колоссального читателя. Они знают сюжет — и «Мертвые души» уже в руки не возьмут. Как четыре серии «Войны и мира» обделили стольких великим чтением. «Война и мир» — открываешь, погружаешься — и на все вопросы есть ответ. Так?

— Возможно. Я на все вопросы получаю ответы у Дюма. Любовь и ненависть, дружба и предательство, великодушие и подлость — со всеми психологическими нюансами и мотивировками. Да война и мир, если хотите, — все есть, все философски обосновано. Не верите...

— Почему? Сын моих приятелей, умнейший молодой человек, ваш, между прочим, поколения, каждый год перечитывает Дюма и объясняет это неисчерпаемостью писателя.

— Вы это как-то так говорите... Поколение странное? Быть может. Поколение без личного трагического опыта, но со свежей генной памятью об этом опыте. Доверчивое, в общем-то, к словам поколения. Может, поэтому ему нужен Дюма?

— Хм... забавно. Но, увы, у меня уже нет времени перечитывать его каждый год.

— А на что вы его расходуете?

— Я должен накапливать замечательные воспоминания.

Беседу вела
Элла АГРАНОВСКАЯ.
Фото Дмитрия ПРАНЦА.